

Правовые формы привлечения иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль России

Е. Е. Коркина

Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский пр., 65

Для цитирования: Коркина, Елизавета Е. 2019. «Правовые формы привлечения иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль России». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 274–292. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.206>

В статье анализируются правовые формы привлечения зарубежного капитала в освоение месторождений углеводородов, используемые в российской и зарубежной инвестиционной практике, выявляются их достоинства и недостатки. Дефицит национальных инвестиционных ресурсов предопределяет необходимость привлечения прямых иностранных инвестиций в сферу топливно-энергетического комплекса (ТЭК), характеризующегося высокой капиталоемкостью, однако недропользователи с участием иностранных инвесторов несут серьезные риски в процессе геологического изучения недр. В качестве факторов, обуславливающих стагнационный период перспективного российского ТЭК, автор статьи называет несовершенство российского инвестиционного законодательства, а также отсутствие действующих договорных механизмов, способных обеспечить защиту интересов каждого участника недропользовательских отношений — государства, недропользователя, оператора и инвестора. В связи с этим анализируется зарубежный опыт применения договорных инструментов привлечения иностранных инвестиций в освоение нефтегазовых месторождений, исследуются последние законодательные инициативы, призванные модернизировать российское нефтегазовое законодательство, в том числе проект федерального закона «Об особенностях совместной деятельности в сфере недропользования и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». В целях повышения инвестиционной привлекательности российского нефтегазового комплекса в статье сформулированы предложения по реформированию Закона РФ «О недрах» 1992 г. в части смягчения существующих ограничений на допуск иностранных компаний к освоению шельфовых месторождений углеводородов; дана оценка новым видам инвестиционных договоров, предложенных законопроектом, и их готовности к использованию в практической деятельности; инициировано приведение терминологических основ договорных конструкций, внедряемых в российскую нефтегазовую практику, в соответствие с международными стандартами.

Ключевые слова: горное товарищество, операторский договор, договор совместного инвестирования, нефтегазовый контракт, иностранные инвестиции, нефтегазовый комплекс.

1. Введение. Значение нефтегазового сектора в экономике российского государства трудно переоценить: в сумме налоговых доходов, занимающих первое место по объему поступления в федеральный бюджет, ведущая роль принадлежит

налогам в сфере природопользования, а именно доходам нефтегазовой отрасли (Агузарова 2014, 142). Кроме того, компании топливно-энергетического комплекса (далее — ТЭК) обеспечивают поступление в бюджет Российской Федерации до 30 % всех налогов на прибыль, а также являются крупными плательщиками социальных взносов. Более 80 % валютных поступлений нашей стране приносит непосредственно экспорт природных ресурсов. Все это позволяет признать экономику России ресурсоориентированной — зависимой от нефтегазовых доходов (Галеев, Квитко и Смирнягин 2015).

Глобальная геополитическая и экономическая турбулентность 2013–2015 гг. ускорила признание Россией вызовов, с которыми сегодня сталкивается мировая нефтегазовая промышленность. Об этом свидетельствуют существенные коррективы, внесенные в проект Энергетической стратегии России на период до 2035 г.¹ Так, авторы документа отмечают, что международные энергетические рынки, ранее обеспечивавшие динамичное развитие экономики России, переживают процесс качественной трансформации, ведущей к обострению конкуренции между поставщиками углеводородов. Этот процесс заключается в: преобладании нестабильного и неоднородного экономического роста в разных мировых регионах; обострении геополитической конкуренции, высокой вероятности новых экономических кризисов; ускорении научного и технологического развития; уменьшении спроса на углеводороды в связи с развитием технологий в области энергопотребления; появлении новых экспортеров энергетических ресурсов; гибкости правового регулирования международных рынков углеводородов и изменении условий нефтегазовых контрактов в пользу потребителей. Россия, располагая крупнейшей природоресурсной базой, в противовес современным мировым тенденциям сталкивается со сложным комплексом внутренних и внешних проблем, среди которых особенно актуальны низкие темпы экономического развития, увеличение капиталоемкости освоения открываемых месторождений, существенное технологическое отставание ряда сегментов российского топливно-энергетического комплекса, невысокая конкурентоспособность и, наконец, трудности в привлечении долгосрочных и доступных финансовых ресурсов.

Для повышения конкурентоспособности своего нефтегазового рынка Россия должна решить задачи всесторонней и глубокой модернизации топливно-энергетического комплекса, сокращения технологического разрыва между российским ТЭК и энергетическими отраслями развитых стран. Для этого потребуются немалые вложения в нефтяную отрасль извне, однако российский нефтегазовый сектор, имея все возможности для структурного совершенствования, проигрывает в острой конкурентной борьбе за инвестора таким государствам, как Великобритания, Норвегия, Казахстан. Причина заключается не только в высокой доле изъятий со стороны государства, неоптимальном режиме налогообложения, низкой доходности инвестора, но и в отсутствии таких гибких правовых форм и механизмов в российском законодательстве, которые смогли бы обеспечить долгосрочное совместное сотрудничество, выгодное и государству, и инвестору.

2. Основное исследование. История становления современных правовых форм освоения нефтегазовых месторождений. Российское законодательство

¹ Проект Энергетической стратегии России на период до 2035 года. Дата обращения 9 сентября, 2018. <http://www.minenergo.gov.ru/node/1920>.

в сфере недропользования прошло длительный путь становления. Изначально была сделана ставка на лицензионный, или разрешительный, порядок предоставления недр в пользование. Лишь несколько позже, под воздействием зарубежного опыта заключения контрактов на разработку месторождений полезных ископаемых с иностранными инвесторами на условиях взаимовыгодного партнерства, получивших распространение еще в 1970-е гг., российские законодатели стали задумываться о постепенном внедрении в нефтегазовый сектор договорных элементов правового регулирования. Так, в октябре 1989 г. в Москве состоялась международная конференция, посвященная основным видам используемых в мировом нефтегазовом сообществе контрактов на освоение месторождений углеводородов: концессионным соглашениям, сервисным контрактам и соглашениям о разделе продукции (далее — СРП), — с определением правовых и экономических аспектов каждого из них (Streng 1998). По убеждению американского юриста, специалиста в области международного права Джеймса Скелтона, являвшегося на момент проведения конференции сотрудником присутствовавшей на ней американской нефтяной компании *ConocoPhillips*, высшее российское руководство по управлению фондом недр должно было заинтересоваться вопросами содержания и заключения концессионных соглашений как наиболее близких к российской публично-административной системе предоставления недр в пользование. Однако, ссылаясь на неудачный опыт внедрения концессий в 1920-е гг., Россия склонна была рассматривать такие контракты как пережиток прошлого (Skelton 2008, 315–316). Участникам конференции также было разъяснено, что зарубежные нефтяные компании предпочитают приобретать доли в доступных объектах и заключают сервисные контракты только в случае отсутствия возможности применения иных форм инвестиционного сотрудничества. Таким образом, обсуждение сервисных контрактов на конференции оказалось недолгим, основное внимание было сосредоточено на СРП. Дискуссионная часть конференции носила исключительно теоретический характер в силу отсутствия в то время законодательных механизмов поддержки договорных форм инвестиционного сотрудничества (Skelton, 2008, 317).

Итогом длительных научно-практических разработок и изысканий стал Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»² (далее — Закон о СРП), принятый спустя три года после вступления в силу Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (далее — Закон о недрах), закрепившего лицензионный порядок предоставления недр в пользование. После принятия Закона о СРП, который, казалось бы, должен был ввести в российскую практику новую перспективную форму недропользования и способствовать притоку иностранных инвестиций в отрасль, стало очевидно, что его первоначальная редакция содержит противоречия, во многом не согласуется с внутренним российским законодательством и требует принятия дополнительных нормативных правовых актов. До устранения существующих недостатков иностранные нефтяные компании отказались рассматривать проекты российского нефтегазового сектора в качестве объектов инвестирования. Однако поправки к Закону об СРП, принятые в 2003 г., не только не улучшили, но и усугубили ситуацию: так, предоставление недр в пользование на условиях СРП могло осуществляться только в определенных случаях,

² Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 сентября, 2018. <http://www.consultant.ru>.

установленных законом; проекты, доступные для иностранного инвестирования, подлежали двойному аукциону и предполагались к инвестированию с нуля; потенциальный инвестор не освобождался от необходимости получения лицензии на пользование недрами и т. д. (Grigoryev 2007, 125, 130). Внесенные изменения, а также правовой и фискальный режимы, действовавшие в рамках созданной законом 1995 г. правовой конструкции соглашения о разделе продукции, не способные обеспечить иностранные инвестиции должным уровнем правовых гарантий, превратили заключение СРП в крайне невыгодное мероприятие для иностранных инвесторов. Более того, некоторые ученые отмечают, что само предоставление возможности заключить соглашение о разделе продукции рассматривалось российскими законодателями как некоторая привилегия для зарубежных инвесторов; чрезмерное законодательное вмешательство в установление ряда «сверхадминистративных» условий заключения договора о праве пользования недрами в форме СРП сделало Закон о СРП бесполезным для практических целей (Skelton, 2008, 321–322).

Таким образом, сегодня в Российской Федерации действует разрешительный (лицензионный) порядок предоставления недр в пользование, установленный Законом о недрах; соглашение о разделе продукции, формально считающееся контрактом, также предполагает получение иностранным инвестором лицензии на право пользования недрами с соблюдением соответствующих административных процедур и законодательства о недрах, благодаря чему у государства появляются дополнительные рычаги контроля над инвестором. Некоторые зарубежные ученые справедливо замечают: поскольку правовая природа института лицензирования является административной, определять предоставление недр в пользование на таких условиях в качестве контракта или договора недопустимо (Waelde 1996, 207). Что касается иных форм привлечения иностранных инвестиций в российский нефтегазовый комплекс, то отметим следующее: хотя Закон о недрах 1992 г. формально не запрещал заключать с инвесторами концессионные соглашения и сервисные контракты в сфере недропользования, он не определял условия их заключения и их место в системе лицензирования (Skelton 1993, 26–27). Протекционистские настроения и меры, предпринятые российскими законодателями в сфере инвестирования в развитие нефтегазовой отрасли, оказались важнее потенциальных доходов, которые Россия могла бы получить от увеличения добычи нефти и газа и освоения новых месторождений (Shulga 2001, 1082).

Договорные формы привлечения иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль: мировая практика. Единственная монопольно действующая сегодня лицензионно-разрешительная форма предоставления доступа инвестора к освоению российских месторождений нефти и газа, закрепленная законами о недрах и о СРП, не способна обеспечить интенсивный приток иностранных инвестиций ввиду своей жесткости, политической и налоговой нестабильности, отсутствия гарантий и стимулов, пропорциональных затраченным усилиям инвесторов (Колдаев 2005b, 3–4).

К основным способам привлечения иностранных инвестиций сегодня относятся:

- создание новых юридических лиц в стране базирования, т. е. предприятий с иностранными инвестициями;
- организация филиалов и представительств иностранных юридических лиц;

— использование такой организационной формы международного бизнеса, в основе которой лежит договор (без создания юридического лица и закрепления налогового статуса) (Веселкова, 2017, 74–75).

В мировой практике договорные формы привлечения иностранных инвестиций в нефтегазовый сектор успешно применяются уже давно. Как отмечает Э. Ф. Байбекова, «договор является надежным и гибким механизмом закрепления отношений между инвестором и государством; только соглашение между инвестором и государством может предоставить им максимальные гарантии надлежащего исполнения договорных обязательств, защиту от незаконного нарушения прав сторон договора, возмещение убытков, связанных с ненадлежащим исполнением обязательств по договору» (Байбекова 2014, 34). Подходы к определению юридической природы договорных форм привлечения иностранных инвестиций довольно многообразны и в целом сводятся к двум основным концепциям: первая концепция рассматривает подобные договоры в качестве гражданско-правовых (Золоева 2003, 95), вторая признает особый правовой статус недр как объекта правоотношений (Лисица 2015, 120) и выделяет такие договоры в категорию *sui generis* (договор «особого рода»). Правовая природа договоров в сфере недропользования обосновывается спецификой предмета договора, субъектного состава, наличием обязательств, выходящих за рамки заключаемого договора. С нашей точки зрения, инвестиционные договоры в сфере недропользования могут рассматриваться как гражданско-правовые по своей сущности и принципам построения отношений между сторонами, однако при их заключении следует исходить из: особых прав государства на его недра, тесной связи недропользования с другими сферами общественных отношений, ключевого значения нефтегазового сектора для благосостояния государства в условиях современного политического и экономического курса.

Мировому опыту известны три основных вида договоров, заключаемых с иностранными инвесторами в сфере недропользования: концессионные соглашения, соглашения о разделе продукции и сервисные контракты, подразделяемые на соглашения с риском и без риска. Некоторые ученые, в частности С. А. Сосна, полагают, что соглашение о разделе продукции целесообразно рассматривать как разновидность концессионного соглашения в сфере недропользования с особым режимом отношений собственности (Сосна 2002, 38–40). На наш взгляд, именно особенности режима права собственности и налогового режима позволяют разграничить недропользовательскую концессию и СРП; кроме того, как отмечает А. В. Багдасарова, различия заключаются в том числе в объеме полномочий, передаваемых по рассматриваемым договорам (Багдасарова 2008). Для выявления отличительных черт, а также достоинств и недостатков каждой модели инвестиционных договоров в недропользовании с целью совершенствования российского инвестиционного законодательства, внедрения в российскую практику новых договорных форм, соответствующих условиям российской действительности, следует рассмотреть все виды договоров.

Виды инвестиционных договоров в сфере недропользования. В основу разграничения соглашений в сфере недропользования положен принцип разделения ресурсов, извлекаемых из недр, между государством и инвестором. Так, в соответствии с концессионным соглашением добываемое сырье, как правило, принадле-

жит концессионеру (инвестору), который, в свою очередь, выплачивает концеденту (государству) обусловленные соглашением платежи (налоги и роялти — специальные отчисления за пользование недрами). В российском законодательстве содержится легальное определение понятия концессионного договора: в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» по договору концессии концессионер «обязуется за свой счет создать и/или реконструировать определенное этим соглашением имущество (объект концессионного соглашения), право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать концеденту, осуществлять деятельность с использованием этого имущества, а концедент обязуется предоставить концессионеру в срок, установленный соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности». Между тем в закрытом перечне возможных объектов концессионных соглашений, закрепленных названным законом, до сих пор отсутствуют участки недр, несмотря на многочисленные проектные разработки по внедрению в российскую нефтегазовую практику недропользовательских концессий.

Мировая практика применения концессионных соглашений в недропользовании свидетельствует о господстве двух сложившихся моделей — французской и английской. Французская модель недропользовательской концессии исходит из ее публично-административной природы, вследствие чего условия соглашения основываются на приоритете публично-правовых норм. Эта модель распространена на территориях Германии, Швейцарии, Португалии, Бельгии, Венесуэлы. Английская модель концессионных договоров ориентирована на нормы частного права. Она предоставляет концессионерам больше самостоятельности и применяется в основном на территории государств с общей системой права. Обе модели недропользовательских концессий являются одними из первых договорных форм предоставления права на разведку и разработку месторождений частным предприятиям и направлены на эффективное использование государственной собственности.

В отличие от концессий, возможность заключения соглашений о разделе продукции в нефтегазовой отрасли России была предусмотрена, как отмечено выше, Законом о СРП еще в 1995 г. Соглашение о разделе продукции предполагает разделение добываемого сырья между государством и инвестором с учетом возмещения издержек последнего в процессе разведки и добычи минеральных ресурсов (ст. 2, 8 Закона о СРП). Сегодня в мире действуют три основные модели СРП: индонезийская модель — исторически первая, предусматривающая три этапа (уровня) раздела добытого сырья; перуанская модель, предполагающая два уровня раздела; ливийская модель, в рамках которой распределение извлеченных ресурсов происходит в один этап (Конопляник 2000). Российская модель СРП отличается от вышеперечисленных и предполагает четыре уровня раздела продукции (роялти, компенсация издержек, пропорциональное распределение прибыли, уплата налога на прибыль). В научной литературе неоднократно отмечалось, что соглашения о разделе продукции распространены в тех странах, где государство стремится остаться собственником добываемого сырья, предоставив инвестору право лишь на часть извлеченных ресурсов после раздела продукции (Махлина 1995). Такая форма привлечения иностранных инвестиций представляется весьма эффективной для государств с ограниченными техническими и экономическими возможностями са-

мостоятельного геологического изучения и добычи природных ресурсов (Клюкин 2000, 153).

В отдельную группу договоров, направленных на привлечение иностранных инвестиций в национальный нефтегазовый сектор, выделяются сервисные контракты с риском и без риска, которые в научной литературе нередко упоминаются как *договоры подряда* или *договоры возмездного оказания услуг* — именно эти виды договоров, регламентированные Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ), по своей правовой природе наиболее схожи с сервисными контрактами. Такой подход, предполагающий отождествление сервисных контрактов и договоров подряда (договоров об оказании услуг), представляется ошибочным (см. об этом ниже). Сервисные контракты с риском впервые стали заключаться в Южной Америке, однако глобального распространения не получили. Суть рисковых соглашений заключается в том, что все инвестиционные риски несет инвестор; соглашение теряет юридическую силу, если углеводородное месторождение в процессе разведки обнаружено не было. Одним из государств, успешно использующих в своей практике сервисные контракты с риском, является Бразилия. Если после заключения рискового соглашения было открыто месторождение, дальнейшее инвестирование проекта принимает на себя государственная нефтяная компания Бразилии «Петробраз», а инвестору возмещаются затраты на геологоразведочные работы и расходы на производство (с учетом процентов). Инвестору также предоставляется право приобрести часть добытого сырья по мировым ценам на сумму, эквивалентную выплатам.

Сервисные контракты без риска в большей степени направлены на защиту интересов инвестора — при любом исходе дела, независимо от факта открытия месторождения, инвестор получает вознаграждение, регламентированное соглашением в виде фиксированной цены, после совершения налоговых платежей за геологоразведочные риски может предусматриваться дополнительная оплата. Подобный вид договоров распространен на Ближнем Востоке, применялся на территориях Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Бахрейна. Именно сервисные контракты без риска более остальных сходны с правовой конструкцией договоров подряда (договоров возмездного оказания услуг).

Условиями сервисного контракта может быть предусмотрено право покупки добываемого сырья. Сервисные соглашения, не предусматривающие право инвестора на приобретение ресурсов, как правило, заключаются в странах, где государственная нефтяная компания нуждается в техническом содействии, но не готова предоставить инвестору доступ к части добытой при этом содействии продукции. Практика заключать сервисные контракты с правом покупки нефти распространена в основном в Кувейте, Катаре, Иране, Венесуэле и направлена на формирование штата высококвалифицированных кадров.

Пути реформирования действующего инвестиционного законодательства в сфере недропользования. Достоинства и недостатки различных моделей инвестиционных договоров. Таким образом, в мировой нефтедобывающей практике используются различные договорные механизмы привлечения иностранных инвесторов к разведке и добыче углеводородов и их модификации, соответствующие геологическому и экономическому потенциалу каждого государства. В России, как уже было отмечено выше, действует уникальная в своей двойственности система

недропользования: лицензионная, опирающаяся на Закон о недрах 1992 г. и договорная, введенная в 1995 г. Законом о СРП. Тем не менее договорный механизм предоставления инвесторам недр в пользование принципиально не отличается от лицензионного и требует наличия двух документов — лицензии на право пользования недрами и договора (соглашения, являющегося неотъемлемой частью лицензии) — в отличие от мировой практики, не допускающей их совмещения в связи с их различной правовой природой (Кимельман 2011, 17).

Применение лицензионного режима недропользования сегодня оправданно в отношении хорошо разведанных и доступных месторождений, которые не нуждаются в применении сложных и высокочрезвычайных технологий для добычи трудноизвлекаемых минеральных ресурсов. В этих условиях инвестор не подвержен риску, к тому же ему не требуются существенные гарантии со стороны государства, однако такие месторождения практически отсутствуют (Колдаев 2005а, 11). Представляется очевидным, что развитие российского нефтегазового сектора невозможно без привлечения новейших технологий, а следовательно, без привлечения иностранных предприятий и инвестиций.

В отечественной научной литературе высказываются различные точки зрения на реформирование российского инвестиционного законодательства в сфере недропользования. Так, ряд авторов отмечает преимущества концессионных соглашений перед другими договорными формами привлечения иностранных инвестиций в российскую нефтегазовую отрасль. В частности, по мнению Д. В. Казаковцева, концессия предполагает долгосрочную аренду участков недр и предоставляет иностранному инвестору исключительное право, называемое в иностранной литературе «горной собственностью», заниматься добычей минерального сырья на платной основе. Как правило, подобные соглашения имеют длительный срок действия, затрагивают обширные территории, их отличает стабильный характер отношений между инвестором и государством (Казаковцев 2002). Однако концессионеры обычно не обязаны возвращать участки, в недрах которых не были обнаружены углеводороды, до истечения срока концессионного соглашения. Более того, в результате принятия Федерального закона от 21.07.2014 № 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О концессионных соглашениях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» за концессионером было закреплено преимущественное право на приватизацию объекта концессионного соглашения в случае его включения в прогнозный план приватизации федерального имущества при условии добросовестного исполнения условий концессионного соглашения (п. 4). Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» предусматривает возможность заключения концессионных соглашений лишь в отношении трубопроводного транспорта и объектов газоснабжения (п. 3, 20 ч. 1 ст. 4), а следовательно, распространяется только на нефтегазовую инфраструктуру. Однако в свете подобных тенденций, направленных на реформирование концессионного законодательства, не исключено, что законодатель намерен в дальнейшем расширить перечень объектов концессионных соглашений в нефтегазовой отрасли.

К числу других достоинств концессий также относят: полное освобождение государства от финансовой нагрузки (Гущин, Овчинников 2003, 89), перемещение ее на концессионера, который обязан осуществлять финансирование, управление, те-

кущий ремонт объектов инвестирования; привлечение иностранных инвестиций без потери государственного контроля над жизненно важными объектами и системами (Андреянова 2009, 113); нацеленность на улучшение и приращение государственного имущества; применимость в отношении изъятого из оборота или ограниченного в обороте государственного имущества, к которому относятся участки недр (Букреев и Рудык 2012). Однако у государства отсутствует возможность влиять на принимаемые инвестором-концессионером управленческие решения, а также ограничивать деятельность компании инвестора (Дьячков 2004, 9).

Применение концессионных соглашений в России, по мнению сторонников недропользовательской концессии, позволило бы увеличить доходы государства от использования его имущества, стабилизировать экономические отношения между российским государством и иностранным инвестором, обеспечить прозрачность принятия решений о предоставлении исключительного права на разведку и добычу минерального сырья, учесть особенности разрабатываемых месторождений (Рубашкин 2004, 24–25).

В то же время многие исследователи отдают предпочтение другой форме привлечения иностранных инвестиций — соглашению о разделе продукции (Мороз 2004). В пользу этой договорной формы, как правило, приводятся следующие доводы:

- в отличие от концессионного договора инвестор не становится собственником добытой им продукции — он может претендовать лишь на ее часть после раздела добытого сырья;
- риски поисково-разведочных работ возлагаются на компанию инвестора;
- при заключении СРП государство получает возможность максимизировать свои доходы в натуральном виде — в виде добытых инвестором энергоресурсов, снижая тем самым собственные валютные риски; концессионные соглашения предполагают отчисление налогов, взимаемых в национальной валюте;
- по договору концессии государство, как правило, играет пассивную роль, получая финансовую выгоду от участия в нем. СРП дает возможность государству создавать совместные предприятия (консорциумы) при участии национальной нефтяной компании и нефтяной компании инвестора (Конопляник 2000, 96–97);
- инвестиционный правовой режим СРП более выгоден для инвестора — он освобождается от уплаты большинства налоговых платежей в связи с передачей оговоренной части добытого сырья (Пиванова 2014); такой налоговый и инвестиционный режим позволяет реализовывать заведомо убыточные — при традиционной схеме взимания налогов — проекты (Асосков 2003, 163–165);
- одним из важнейших преимуществ СРП для инвестора является освобождение от экспортной пошлины;
- по договору СРП участки, в недрах которых минеральное сырье не обнаружено, возвращаются государству.

Рисковые сервисные контракты по своей правовой природе схожи с соглашениями о разделе продукции, однако в случае коммерческого открытия месторожде-

ния инвестор получает право на компенсацию своих затрат в денежной форме в зависимости от стоимости добытого сырья, а не в виде произведенной продукции. Сервисные контракты без риска в условиях современных российских реалий не имеют большого интереса в связи с необходимостью выплачивать вознаграждение инвестору при любом исходе геологического изучения предоставленных в пользование участков недр.

Отграничение сервисного соглашения от смежных договоров. Как уже отмечалось выше, нередко в научной среде при упоминании договорных форм привлечения иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль понятия «сервисные контракты с риском», а также понятия «договоры подряда» и «договоры возмездного оказания услуг», предусмотренные гл. 37 и 39 ГК РФ соответственно, употребляются в качестве синонимов. Однако указанные виды договоров имеют различное правовое содержание, что не позволяет поставить между ними знак равенства. Основная трудность заключается в том, что сервисный, или операторский, договор неизвестен российскому гражданскому законодательству, в то время как ст. 421 ГК РФ, закрепляющая принцип свободы договора, предоставляет сторонам возможность заключить договор, не предусмотренный законом (п. 2 ч. 1 ст. 421). В силу того что практика применения сервисных контрактов с риском сложилась лишь за рубежом, можно только гипотетически предположить их содержание, исходя из правовой природы и назначения таких договоров. Так, А. А. Бардин и Е. С. Кувшинов, обосновывая выделение рискового сервисного контракта в самостоятельный вид договоров, приводят в качестве доводов смоделированные ими же существенные условия такого договора. По их мнению, к числу существенных условий сервисного (операторского) соглашения с риском следует отнести:

- предмет договора, а именно проведение оператором за свой счет комплекса работ по геологическому изучению, разведке и добыче полезных ископаемых на определенном участке недр;
- порядок раздела прибыли;
- порядок финансирования проекта и вознаграждение оператора; финансирование проекта полностью возлагается на оператора; вознаграждение оператора должно быть предусмотрено из прибыли, полученной в результате открытия коммерческих запасов;
- риск осуществления комплекса геологических работ и обнаружения месторождения, который должен быть возложен на оператора (Бардин, Кувшинов 2015, 68).

Существо данного договора также отвечает условие, налагающее запрет на досрочное расторжение рискового сервисного соглашения и выход из него оператора в одностороннем порядке.

Срок реализации проекта А. А. Бардин и Е. С. Кувшинов называют в качестве факультативного условия ввиду того, что договором может быть предусмотрено осуществление как всего проекта, так и его отдельных стадий (Бардин, Кувшинов 2015, 68).

Таким образом, перечисленные существенные условия сервисного (операторского) контракта с риском позволяют отграничить его от наиболее близких к нему по правовой природе договоров подряда и возмездного оказания услуг, существен-

ным условием которых является лишь предмет. Думается, самыми яркими признаками, выделяющими рисковое сервисное соглашение в отдельный вид договоров, выступают его цена и возложение риска на оператора проекта.

Новейшие законодательные инициативы по внедрению инвестиционных контрактов в российскую нефтегазовую практику. Выше были рассмотрены так называемые нефтяные контракты, используемые в недропользовании за рубежом. Обычно инвесторы отдают предпочтение именно договорам как организационной форме осуществления инвестиционной деятельности, поскольку соглашения о совместной разработке позволяют избежать двойного налогообложения полученной прибыли от совместной деятельности. При создании предприятия налог будет рассчитываться в два этапа: сначала с прибыли предприятия, а затем — с прибыли его участников (Квитко 2016). В настоящее время в российском законодательстве отсутствуют договорные формы осуществления совместной деятельности по геологическому изучению, разведке и добыче нефти и газа, приемлемые для всех участников отношений в сфере недропользования — для владельца лицензии на геологическое изучение, разведку и добычу углеводородного сырья (недропользователя), для организации, на комплексной основе осуществляющей разработку месторождения на основании договора с владельцем лицензии (оператора) и для инвесторов, привлекаемых к финансированию проекта (Заславская 2016, 28). Единственной конструкцией, закрепленной ГК РФ, которая могла бы удовлетворить интерес иностранного инвестора, является договор простого товарищества (договор о совместной деятельности), а также его разновидность — договор инвестиционного товарищества (гл. 55 ГК РФ; Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»). Однако она не учитывает все особенности реализации геологических проектов на основе сервисного (операторского) соглашения, рассмотренные выше. Так, порядок распределения прибыли, предусмотренный законодателем для простого товарищества, не предполагает возможности неполучения этой прибыли ввиду рискованного характера недропользовательской деятельности, а императивная норма, посвященная праву товарища в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора, и вовсе противоречит сущности рискованных инвестиционных отношений в недропользовании, так как фактически позволяет любому участнику соглашения выйти из договора, не исполнив своих обязательств.

Для преодоления сложившейся ситуации в научных кругах выдвигаются различные предложения, направленные на реформирование действующего российского законодательства. Так, одной из последних законодательных инициатив по внедрению новых договорных форм осуществления инвестиционной деятельности в сфере недропользования в российскую практику стала подготовка проекта федерального закона «Об особенностях совместной деятельности в сфере недропользования и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». С целью преодоления пробелов в российском праве и во избежание необходимости применения иностранного права законопроект предлагает ввести в договорную практику два новых вида договоров — договор горного товарищества и договор совместного инвестирования в деятельность по разработке (см. пояснительную записку к указанному проекту). По договору горного товарищества стороны обязуются совместно осуществлять деятельность по разработке на определенном участке недр в соответствии с условиями лицензии, которая получена или будет

получена одной из них (недропользователем) согласно законодательству РФ о недрах, и распределять добытые ресурсы между собой или доходы от их реализации. Договор совместного инвестирования представляет собой гласное товарищество, каждая из сторон которого обязуется предоставлять денежные средства для целей участия одной из сторон (управляющего товарища) в договоре горного товарищества в качестве оператора. Цель договора — последующее распределение между товарищами полученных оператором углеводородного сырья или доходов от их реализации. Такой договор заключается в том случае, если отсутствует необходимость непосредственного участия в договоре горного товарищества всех инвесторов, финансирующих разработку недр.

Законопроект, внедряя новые договорные формы, фактически учел все особенности сервисного (операторского) соглашения с риском. По договору горного товарищества предполагается, что основная обязанность оператора заключается в разработке недр и ведении общих дел товарищей; на недропользователя возлагаются функции по получению, сохранению и продлению права пользования участком (участками) недр. Стороны несут солидарную ответственность по договорным и внедоговорным обязательствам, а вопрос распределения прибыли решается следующим образом: право на добытые углеводороды изначально принадлежит недропользователю (владельцу лицензии), при этом договором определяется часть добытых ресурсов, которая переходит оператору при распределении результатов совместной деятельности. Полное или частичное правопреемство по договору горного товарищества не допускается, однако запрет на множественность лиц как со стороны оператора, так и со стороны недропользователя в законопроекте отсутствует.

К договору совместного инвестирования применимы те же правила с той оговоркой, что выход одной из сторон из товарищества не дает ей права на возврат потраченных в ходе исполнения договора денежных средств. Общее имущество по договору совместного инвестирования в деятельность по разработке, как и по договору горного товарищества, не образуется ввиду поступления платежей, вносимых каждым инвестором по договору, на оплату расходов управляющего товарища (оператора).

Новеллой законопроекта является также предоставление возможности заключения в рамках договора совместного инвестирования соглашения, схожего по правовой природе с институтом «кэрри-финансирования» (*carry financing*), когда один товарищ обязуется покрывать полностью или частично расходы другого товарища по договору с тем лишь отличием, что финансирующая сторона получает право увеличить свою долю в распределяемых результатах совместной деятельности (Квитко 2016). Классическое рисковое финансирование, как правило, позволяет финансирующей стороне вернуть произведенные расходы в случае открытия коммерческих запасов, однако прибыль по-прежнему распределяется в соответствии с изначальными долями в проекте.

Проблемы реализации законопроекта. С 19 декабря 2016 г. рассматриваемый законопроект находится на публичном обсуждении и на момент написания статьи не внесен в Государственную Думу РФ³. Предполагается, что внедрение новых

³ Изменения и тенденции в регулировании ТЭК России и мира: в фокусе IV квартал 2016. Февраль 2017. Аналитический центр при Правительстве РФ. 2017. Дата обращения 1 сентября, 2018. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11832.pdf>.

договоров о совместной деятельности в недропользовании повысит инвестиционную привлекательность проектов, направленных в первую очередь на геологическое изучение и разведку трудноразрабатываемых и шельфовых месторождений, где вероятность открытия коммерческих запасов невысока, а финансовая нагрузка не может быть возложена на единственную компанию. Между тем реализация законопроекта в части привлечения зарубежных инвесторов в российские нефтегазовые проекты может быть сопряжена с некоторыми трудностями.

Во-первых, законодательство о недрах содержит жесткий перечень условий предоставления доступа к участкам недр федерального значения континентального шельфа РФ, а также участкам недр федерального значения, расположенным на территории РФ и простирающимся на ее континентальный шельф. Так, ст. 9 Закона о недрах 1992 г. устанавливает следующие требования к организации-недропользователю:

- юридические лица должны быть созданы в соответствии с законодательством РФ;
- они должны иметь опыт освоения участков недр континентального шельфа РФ не менее пяти лет;
- участие Российской Федерации в уставных капиталах вышеуказанных юридических лиц должно составлять более 50 %, и/или Российская Федерация наделяется правом прямо или косвенно распоряжаться более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) (абз. 3 ст. 9).

Таким образом, законодатель существенно ограничивает круг лиц, которые могут стать обладателями лицензии на разработку крупных шельфовых месторождений, нуждающихся в применении новейших технологий и специального оборудования.

Во-вторых, в российском законодательстве до сих пор отсутствует единое понимание термина «оператор» и, соответственно, правового статуса указанного субъекта недропользовательских отношений. Так, А. А. Бардин и Е. С. Кувшинов отмечают, что понятие «оператор» используется в трех федеральных законодательных актах, затрагивающих отношения в сфере недропользования, но каждый закон вкладывает в это понятие собственный смысл (Бардин, Кувшинов 2015, 81–83, 85–86). Речь идет, в частности, о ст. 21.1 Закона о недрах, содержащей упоминание оператора и понимающей под ним юридическое лицо, которому предоставлено право краткосрочного (до одного года) пользования участком недр с оформлением лицензии на основании решения уполномоченного государственного органа после досрочного прекращения права пользования соответствующим участком предыдущим недропользователем, если в интересах рационального использования и охраны недр приостановление добычи полезных ископаемых нецелесообразно или невозможно. Иное значение термина «оператор» заложено п. 4 ст. 7 Федерального закона от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», где под ним подразумевается организация, осуществляющая выполнение работ по соглашению о разделе продукции, в том числе ведение учета и отчетности, в качестве которой могут выступать специально созданные инвестором на территории РФ филиалы или юридические лица, а также привлекаемые инвестором юридические лица,

в том числе иностранные. Наконец, третий законодательный акт оперирует специальной разновидностью рассматриваемого понятия: ст. 25.7 Налогового кодекса РФ содержит ряд условий признания организации оператором нового морского месторождения углеводородного сырья (Федеральный закон от 30.09.2013 № 268-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ в связи с осуществлением мер налогового и таможенно-тарифного стимулирования деятельности по добыче углеводородного сырья на континентальном шельфе РФ»). Между тем в модельном соглашении, разработанном Ассоциацией специалистов по международным нефтегазовым переговорам, термин «оператор», исходя из регламентации его деятельности, определяется как одна из сторон (одного из инвесторов) договора о совместной реализации проекта (о совместных инвестициях), уполномоченная всеми сторонами договора (всеми инвесторами) непосредственно осуществлять все операции, предусмотренные указанным проектом, под контролем *операционного комитета*, в котором представлены все инвесторы проекта — участники договора (Бардин, Кувшинов 2015, 79). При сопоставлении определений понятия «оператор» в российском законодательстве и международной практике очевидны различия в правовом подходе и несовершенство российской юридической техники.

3. Выводы

1. Российское инвестиционное законодательство в сфере недропользования нуждается в структурных изменениях. Внедрение в правовую нефтегазовую практику новых договорных форм привлечения иностранных инвестиций позволит избежать «сырьевого национализма» (Заславская 2016, 33); в то же время технологически сложные проекты на континентальном шельфе РФ, откладываемые на неопределенный срок, окажутся в более конкурентоспособном положении на инвестиционном рынке мирового ТЭК.

2. Для обеспечения доступа иностранных инвесторов и их компаний к труднодоступным углеводородным месторождениям и геологическому изучению участков недр федерального значения континентального шельфа РФ предлагается пойти по пути смягчения законодательства о недрах. Речь идет о внесении изменений в ст. 9 Закона о недрах 1992 г. в части исключения критериев, ограничивающих возможность привлечения в качестве операторов, во-первых, иностранных юридических лиц, во-вторых, юридических лиц, имеющих опыт освоения участков недр *зарубежных* шельфовых месторождений. Для обеспечения баланса интересов российского государства в этом случае предлагается введение трехсторонних отношений «государственная компания (недропользователь) — оператор — инвестор», в которых лицензия на определенный участок недр выдается недропользователю, а компания-оператор, осуществляющая основной комплекс работ на участке, может быть назначена совместно инвесторами и недропользователем. В качестве основных условий такого контракта рекомендуется определить 50 %-ное участие недропользователя в операционном комитете, солидарную ответственность всех участников соглашения перед третьими лицами и привлечение к основным операционным работам российского кадрового потенциала.

3. Принятие федерального закона «Об особенностях совместной деятельности в сфере недропользования и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» должно стать одним из важнейших шагов, направленных на реформиру-

вание инвестиционного законодательства в сфере недропользования. В целях унификации понимания термина «оператор» целесообразно определить его в разделе «Используемые термины и обозначения» разрабатываемого федерального закона и привести в соответствие нормативные правовые акты, использующие в своем тексте указанный термин. Наиболее удачным вариантом определения понятия «оператор» является определение, содержащееся в модельном соглашении, разработанном Ассоциацией специалистов по международным нефтегазовым переговорам.

4. Российское инвестиционное законодательство должно быть дополнено положениями, прямо предусматривающими: государственные гарантии инвестора, защищающие его от возможных последствий нестабильности российской экономической и политической системы, налогового законодательства, валютного регулирования и режима внешнеторговых операций; отказ государства от судебного иммунитета в случае возникновения споров.

Библиография

- Агузарова, Фатима С. 2014. «Значение нефтегазовых доходов в экономике России». *Экономика, тренды и управление* 3: 142–158.
- Андреянова, Инна В. 2009. «Договорные формы взаимодействия с иностранными инвесторами: правовой аспект». *Труды Псковского политехнического института* 12.2: 112–116.
- Асосков, Антон В. 2003. *Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте*: кн. 4. Москва: Статут.
- Багдасарова, Алина В. 2008. «Договорные формы недропользования: сравнительная характеристика». *Журнал российского права* 10: 132–138.
- Байбекова, Эльмира Ф. 2014. «Соглашение о разделе продукции как гражданско-правовой договор в сфере инвестиционной деятельности». Дис. ... канд. юрид. наук, Астраханский государственный университет.
- Бардин, Алексей А., Евгений С. Кувшинов. 2015. *Правовое регулирование инвестиционного сотрудничества между российскими и иностранными компаниями при реализации проектов по разработке недр Российской Федерации*. Москва; Берлин: Директ-Медиа Паблишинг.
- Букреев, Виктор В., Эмиль Н. Рудык. 2012. Как спасти предприятия минерально-сырьевого комплекса России от захвата. Дата обращения 9 сентября, 2018. <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a2-2012/15621-kak-spasti-predpriyatiya-mineralno-syrevogo-kompleksa-rossii-ot-zahvata.html>.
- Веселкова, Евгения Е. 2017. *Правовое регулирование иностранных инвестиций в РФ: опыт и перспективы*: монография. М.: КНОРУС.
- Галеев, Борис В., Роман В. Квитко, Данил В. Смирнягин. 2015. «Правовые условия привлечения инвесторов в недропользовании (на примере законодательного регулирования нефтегазового сектора в России)». *Закон* 1: 24–37.
- Гущин, Василий В., Алексей А. Овчинников. 2003. *Инвестиционное право*. М.: Эксмо.
- Дьячков, Михаил С. 2004. «Оценка экономической эффективности форм привлечения инвестиций в поиски, разведку и добычу нефти и газа». Автореф. дис. ... канд. экон. наук, Всероссийский научно-исследовательский институт экономики минерального сырья и недропользования.
- Заславская, Надежда М. 2016. «Законодательство о недропользовании: поиск путей совершенствования». *Нефть, газ и право* 6: 27–34.
- Золоева, Яна О. 2003. «Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых». Дис. ... канд. юрид. наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
- Казаковцев, Дмитрий В. 2002. «Россия сильно отличается от других нефтедобывающих стран мира». *Босс* 11. Дата обращения 10 сентября, 2018. <http://www.bossmag.ru/archiv/2002/boss-11-2002-g/rossiya-silno-otlichaetsya-ot-drugih-neftedobyivayushhih-stran-mira.html>.

- Квитко, Роман В. 2016. «Совершенствование условий привлечения инвесторов в недропользовании». *Нефть, газ и право* 1: 13–21.
- Кимельман, Семен А. 2011. «К проблеме государственной собственности на недра». *Имущественные отношения в Российской Федерации* 1: 6–24.
- Клюкин, Борис Д. 2000. *Горные отношения в странах Западной Европы и Америки*. М.: Городец.
- Колдаев, Сергей В. 2005а. «Договорные формы недропользования». Дис. ... канд. юрид. наук, Институт государства и права.
- Колдаев, Сергей В. 2005б. «Договорные формы недропользования». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Институт государства и права.
- Конопляник, Андрей А. 2000. «Раздел продукции в нефтегазовом комплексе». *Закон* 2: 96–100.
- Лисица, Валерий Н. 2015. *Инвестиционное право*. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.
- Махлина, М. И. 1995. Соглашения о разделе продукции с иностранными инвесторами. *Правовое регулирование иностранных инвестиций в России*. Отв. ред. А. Г. Светлаков. М.: ИГиП РАН: 76–85.
- Мороз, Светлана П. 2004. «Классификация договоров в сфере недропользования». *Юрист* 6: 101–119.
- Пиванова, Анна В. 2014. «Сравнительная характеристика правового регулирования добычи нефти и газа на континентальном шельфе в Федеративной республике Бразилия и Российской Федерации». *Экономика, тренды и управление* 2: 26–35.
- Рубашкин, Борис. 2004. «Концессионата». *Нефтегазовая вертикаль* 18: 24–27.
- Сосна, Сергей А. 2002. *Концессионные соглашения: теория и практика*. М.: Нестор Академик Паблицерс.
- Grigoryev, Yuli. 2007. “The Russian Gas Industry, Its Legal Structure, and Its Influence on World Markets”. *Energy Law Journal* 28.1: 125–145.
- Shulga, Arina. 2001. “Foreign investments in Russia’s oil and gas: legal framework and lessons for the future”. *The University of Pennsylvania: Journal of International Law* 22.4: 1067–1103. (<https://scholarship.law.upenn.edu/jil/vol22/iss4/6/>).
- Skelton, James W. 2008. “Status of Russian petroleum legislation”. *Houston Journal of international law* 30.2: 315–326.
- Skelton, James W. 1993. “Investing in Russia’s Oil and Gas Industry: The Legal and Bureaucratic Obstacles”. *Natural Resources and Environment*: 26.
- Streng P. W. (mod.) 1998. “Proceedings: investing in Russia under the law on production sharing agreements”. *Houston journal of international law* 20 (3): 517–547.
- Waelde, Thomas W. 1996. “International Energy investment”. *Energy Law Journal* 17.1: 191–215.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2018 г.;
рекомендована в печать 15 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Коркина Елизавета Евгеньевна — юрист; elizaveta.korkina12@gmail.com

Legal forms for attracting foreign investment into Russia’s oil and gas industries

E. E. Korkina

National University of Oil and Gas “Gubkin University”,
65, Leninsky pr., Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Korkina, Elizaveta E. 2019. “Legal forms for attracting foreign investment into Russia’s oil and gas industries”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 274–292.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.206>

The article analyzes legal forms for attracting foreign investment for the development of hydrocarbon deposits and identifies their advantages and disadvantages.. The lack of domestic

resources for investment necessitates attraction foreign direct investment into the oil and gas industries, characterized by high capital intensity. However, subsoil users with foreign capital participation take serious risks during the geological subsoil investigation. The main factors behind the Russia's energy sector stagnation are primarily the imperfections in Russian investment legislation and the absence of well-functioning contractual instruments protecting the interests of each participant in subsoil user legal relationships: the government, subsoil users, operators, and investors. The author analyzes foreign experiences in applying contractual instruments to attract foreign investment for developing oil and gas fields, and explores recent legislative initiatives designed to modernize Russian oil and gas legislation, including the draft federal law "On the peculiarities of joint activities in the subsoil use and on making changes into separate legislative acts of the Russian Federation". To improve investment attractiveness of Russia's energy sector, the author estimates new forms of investment agreements, proposes the introduction of amendments to the 1992 Subsoil Law concerning easing existing restrictions on admitting foreign companies to the development of offshore hydrocarbon fields, and to clarify the terminological basis of Russian oil and gas operating agreements to bring it into line with international standards.

Keywords: mining partnership, joint operating agreement, joint investment agreement, oil and gas contract, foreign investments into oil and gas industry.

References

- Aguzarova, Fatima S. 2014. "Znachenie neftegazovykh dokhodov v ekonomike Rossii" ["The significance of oil and gas revenues in the Russian economy"]. *Ekonomika, trendy i upravlenie [Economy, trends and management]* 3: 142–158. (In Russian)
- Andreianova, Inna V. 2009. "Dogovornye formy vzaimodeistviia s inostrannymi investorami: pravovoi aspekt" ["Contractual forms of interaction with foreign investors: the legal aspect"]. *Trudy Pskovskogo politekhnicheskogo institute [Proceedings of Pskov polytechnic university]* 12.2: 112–116. (In Russian)
- Asoskov, Anton V. 2003. *Pravovye formy uchastiia iuridicheskikh lits v mezhdunarodnom kommercheskom oborote: kniga 4 [Legal forms of participation of legal entities in the international commercial circulation: book 4]*. Moscow: Statut Publ. (In Russian)
- Bagdasarova, Alina V. 2008. "Dogovornye formy nedropol'zovaniia: sravnitel'naia kharakteristika" ["Contract Forms of Subsoil Use: Comparative Characteristics."]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law]* 10: 132–138. (In Russian)
- Baibekova, Elmira F. 2014. "Soglasenie o razdele produktsii kak grazhdansko-pravovoi dogovor v sfere investitsionnoi deiatel'nosti" ["Production-Sharing Agreement as a civil contract in the field of investment activities"]. PhD Thesis, Astrakhan State University. (In Russian)
- Bardin, Aleksey A., Evgeny S. Kuvshinov. 2015. *Pravovoe regulirovanie investitsionnogo sotrudnichestva mezhdru rossiiskimi i inostrannymi kompaniiami pri realizatsii proektov po razrabotke nedr Rossiiskoi Federatsii [Legal regulation of investment cooperation between Russian and foreign companies in the implementation of projects for the development of mineral resources of the Russian Federation]*. Moscow, Berlin: Direct-Media Publ. (In Russian)
- Bukreev, Victor V., Emil N. Rudyk. 2012. Kak spasti predpriatiia mineral'no-syre'evogo kompleksa Rossii ot zakhvata [How to save the enterprises of the mineral complex of Russia from capture]. Accessed 9 September, 2018. <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a2-2012/15621-kak-spasti-predpriyatiya-mineralno-syrevegogo-kompleksa-rossii-ot-zahvata.html>. (In Russian)
- D'iachkov, Mikhail S. 2004. "Otsenka ekonomicheskoi effektivnosti form privlecheniia investitsii v poiski, razvedku i dobychu nefiti i gaza" ["Evaluation of the economic efficiency of forms of attracting investment in the search, exploration and production of oil and gas"]. PhD Thesis Abstract, All-Russian Research Institute for the Economics of Mineral Resources and Subsoil Use. (In Russian)
- Galeev, Boris V., Roman V. Kvitko, Danil V. Smirniagin. 2015. "Pravovye usloviia privlecheniia investorov v nedropol'zovanii (na primere zakonodatel'nogo regulirovaniia neftegazovogo sektora v Rossii)"

- ["Legal conditions for attracting investors in subsoil use (by the example of legislative regulation of the oil and gas sector in Russia)"]. *Zakon [the Law]* 1: 24–37. (In Russian)
- Grigoryev, Yuli. 2007. "The Russian Gas Industry, Its Legal Structure, and Its Influence on World Markets." *Energy Law Journal* 28.1: 125–145.
- Gushchin, Vasily V., Aleksey A. Ovchinnikov. 2003. *Investitsionnoe pravo [Investment law]*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
- Kazakovtsev, Dmitry V. 2002. "Rossiia sil'no otlichaetsia ot drugikh nefte dobyvayushchikh stran mira" ["Russia is very different from other oil producing countries of the world"]. *Boss [Boss]* 11. Accessed September 10, 2018. <http://www.bossmag.ru/archiv/2002/boss-11-2002-g/rossiya-silno-otlichaetsya-ot-drugikh-nefte dobyvayushchikh-stran-mira.html>. (In Russian)
- Kimel'man, Semen A. 2011. "K probleme gosudarstvennoi sobstvennosti na nedra" ["To the problem of state ownership of the subsoil"]. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii [Property relations in Russian Federation]* 1: 6–24. (In Russian)
- Kliukin, Boris D. 2000. *Gornye otnosheniia v stranakh Zapadnoi Evropy i Ameriki [Mining Relations in Western Europe and America]*. Moscow: Gorodets Publ. (In Russian)
- Koldaev, Sergey V. 2005. "Dogovornye formy nedropol'zovaniia" ["Contract Forms of Subsoil Use"]. PhD Thesis, Institute of State and Law. (In Russian)
- Koldaev, Sergey V. 2005. "Dogovornye formy nedropol'zovaniia" ["Contract Forms of Subsoil Use"]. PhD Thesis Abstract, Institute of State and Law. (In Russian)
- Konoplianik, Andrey A. 2000. "Razdel produktsii v nefte gazovom komplekse" ["Production-sharing agreements in oil and gas sector"]. *Zakon [The Law]* 2: 96–100. (In Russian)
- Kvitko, Roman V. 2016. "Sovershenstvovanie uslovii privilecheniia investorov v nedropol'zovaniia" ["Improving the conditions for attracting investors in subsoil use"]. *Nef', gaz i pravo [Oil, gas and law]* 1: 13–21. (In Russian)
- Lisitsa, Valery N. 2015. *Investitsionnoe pravo [Investment law]*. Novosibirsk: Novosibirsk National State Research University. (In Russian)
- Makhlina, M. I. 1995. Soglasheniia o razdele produktsii s inostrannymi investorami. *Pravovoe regulirovanie inostrannykh investitsii v Rossii [Production-sharing agreements with the foreign investors. Legal regulation of foreign investment in Russia]*. Ed. by A. G. Svetlanov. Moscow: IGI P RAN Publ.: 76–85. (In Russian)
- Moroz, Svetlana P. 2004. "Klassifikatsiia dogovorov v sfere nedropol'zovaniia" ["Classification of contracts in the field of subsoil use"]. *Iurist [Lawyer]* 6: 101–119. (In Russian)
- Pivanova, Anna V. 2014. "Sravnitel'naia kharakteristika pravovogo regulirovaniia dobychi nefi i gaza na kontinental'nom shel'fe v Federativnoi respublike Braziliia i Rossiiskoi Federatsii" ["Comparative characteristics of the legal regulation of oil and gas production on the continental shelf in the Federative Republic of Brazil and the Russian Federation"]. *Ekonomika, trendy i upravlenie [Economy, trends and management]* 2: 26–35. (In Russian)
- Rubashkin, Boris. 2004. "Kontsessionata" ["Concession"]. *Nefte gazovaia vertikal' [Oil and gas vertical]* 18: 24–27. (In Russian)
- Shulga, Arina. 2001. "Foreign investments in Russia's oil and gas: legal framework and lessons for the future". *The University of Pennsylvania: Journal of International Law* 22.4: 1067–1103.
- Skelton, James W. 2008. "Status of Russian petroleum legislation". *Houston Journal of international law* 30.2: 315–326.
- Skelton, James W. 1993. "Investing in Russia's Oil and Gas Industry: The Legal and Bureaucratic Obstacles". *Natural Resources and Environment*: 26.
- Sosna, Sergey A. 2002. *Kontsessionnye soglasheniia: teoriia i praktika [Concession agreements: theory and practice]*. Moscow: Nestor Academic Publ.
- Streng P. W. (mod.) 1998. Proceedings: investing in Russia under the law on production sharing agreements. *Houston journal of international law* 20.3: 517–547.
- Veselkova, Evgenia E. 2017. *Pravovoe regulirovanie inostrannykh investitsii v RF: opyt i perspektivy: monografiia [Legal regulation of foreign investment in the Russian Federation: experience and prospects: a monograph]*. Moscow: KNORUS Publ. (In Russian)

- Waelde, Thomas W. 1996. "International Energy investment". *Energy Law Journal* 17.1: 191–215.
- Zaslavskaya, Nadezhda M. 2016. "Zakonodatel'stvo o nedropol'zovanii: poisk putei sovershenstvovaniia" ["Subsoil use legislation: search for ways to improve"]. *Neft', gaz i pravo [Oil, gas and law]* 6: 27–34. (In Russian)
- Zoloeva, Yana O. 2003. "Kontsessionnye i inye dogovory s inostrannymi investormi v oblasti dobychi poleznykh iskopaemykh" ["Concession and other agreements with foreign investors in the field of mining"]. PhD Thesis, Institute of Law and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (In Russian)

Received: September 13, 2018

Accepted: February 15, 2019

Author's information:

Elizaveta E. Korkina — lawyer; elizaveta.korkina12@gmail.com